

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 343.34

Doi: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.379-385

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ (ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ): УРОКИ ИСТОРИИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Владимирович Петрянин¹

¹ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru

Аннотация. В статье представлено авторское видение развития уголовной политики в области противодействия экстремизму за последние двадцать лет, определено, что экстремистская деятельность как глубоко негативное явление серьезно видоизменилась. Это доказывается демонстрацией этапов развития уголовного законодательства, а также результатов апробации новелл, указывающих на поиск государством эффективной юридико-технической модели борьбы с исследуемым явлением. Масштабы современного экстремизма, методы и средства, используемые его идеологами, позволяют выступить с научной гипотезой о том, что противодействие экстремизму – это аксиома. Юридический потенциал, заложенный в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», свидетельствует о наличии в нем глубокой репродуктивной функции, содержащей необходимый и достаточный базис в развитии и применении симметричных юридических механизмов снижения экстремистской активности. Перспективным направлением видится криминализация пропаганды экстремистской деятельности и прохождения обучения в целях ее осуществления.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, конституционный строй, безопасность государства, уголовная политика

Для цитирования

Петрянин А. В. Двадцать лет уголовно-правового противодействия экстремизму (экстремистской деятельности): уроки истории, современное состояние и возможные перспективы // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 3. С. 379–385. DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.379-385.

© Петрянин А. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

TWENTY YEARS OF CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO EXTREMISM (EXTREMIST ACTIVITY): HISTORY LESSONS, CURRENT STATE AND POSSIBLE PROSPECTS

Alexey Vladimirovich Petryanin¹

¹ Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Russia, petryanin@mail.ru

Abstract. The article presents the author's vision of the development of criminal policy in the field of countering extremism over the past twenty years. It is determined that extremist activity as a deeply negative phenomenon has seriously mutated (evolved). This is proved by the demonstration of the stages of development of criminal legislation, as well as the results of the approbation of novels indicating the search by the state for an effective legal and technical model to combat the phenomenon under study. The scale of modern extremism, the methods and means used by its ideologists allow us to come up with a scientific hypothesis that countering extremism is an axiom. The legal potential laid down in the Federal Law «On Countering Extremist Activity» testifies to the presence of a deep reproductive function in it, which contains the necessary and sufficient basis for the development and application of symmetrical legal mechanisms to reduce extremist activity. Criminalization of propaganda of extremist activities and training in order to carry out extremist activities is seen as a promising direction.

Keywords: extremism, extremist activity, constitutional system, state security, criminal policy

For citation

Petryanin, A.V. 2022, 'Twenty years of criminal legal counteraction to extremism (extremist activity): history lessons, current state and possible prospects', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 3, pp. 379–385, doi : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).3.379-385.

Современная российская уголовная политика и доктрина продолжают свое активное развитие в области противодействия экстремизму. При этом мы должны понимать, что какая-либо преемственность в данном направлении отсутствует. В 2022 г. исполнилось двадцать лет с момента принятия Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». К настоящему времени в него уже внесено 19 изменений и дополнений, что свидетельствует не только об озабоченности со стороны государства угрозами, исходящими от рассматриваемого явления, но и о предпринимаемых попытках в поиске наиболее оптимальной, эффективной и симметричной модели противодействия ему.

Следует подчеркнуть тот немаловажный факт, что экстремизм – это не новое явление. Лишь в современном мире оно получило правовые характеристики и введено в легальный оборот. Вместе с тем исследуемый феномен сопровождает человечество

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

давно, так как выступает в качестве нелегитимного средства борьбы за власть и передел экономических ресурсов. Учитывая общепризнанную точку зрения, предложенную М. Лероем, раскрывающую экстремизм как политическое средство борьбы с использованием запрещенных средств [1, с. 212–219], можно выдвинуть научную гипотезу о том, что моментом его возникновения явился факт образования государства, легитимизирующего право и власть меньшинства над большинством. Ничего не изменилось и сегодня по его главному содержанию.

Детерминант экстремистской деятельности масса. Это не только политические, но и культурные, идеологические, расовые, религиозные, экономические и иные противоречия. Их объединяет ненависть или вражда к оппонентам – вот в чем еще одна методологически значимая и опасная характеристика экстремизма. Представленный посыл можно подкрепить следующей позицией Ж.-П. Сартра: «Достаточно, чтобы один человек ненавидел другого, и ненависть, переходя от соседа к соседу, заражает все человечество» [2]. Президент России В. В. Путин в одном из своих выступлений подчеркнул, что экстремисты есть везде [3].

В современном мире политические и экономические элиты в целях своего дальнейшего доминирования на планете используют экстремизм как инструмент сохранения однополярного мира. В основу достижения отмеченной цели положен мотив ненависти и вражды, на основе которого в последние десятилетия разжигаются все локальные и межгосударственные конфликты для ослабления конкурентов. Гиперактивное развитие экстремистской деятельности, апробация на разных площадках новых способов достижения ее целей привело к тому, что экстремизм влечет за собой изменение миропорядка и ставит под угрозу безопасность всего цивилизованного мирового сообщества. На это обращено особое внимание и в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Ярким примером могут служить события, произошедшие в России, Сирии, Афганистане, Казахстане и других странах. Например, организация «Талибан», являющаяся террористической, захватила власть в Афганистане. Экстремизм сегодня – это в том числе и причина нацификации целых государств [4, с. 3]. В связи с этим считаем, что противодействие экстремистской деятельности – это аксиома и требует постоянного реагирования, в том числе путем совершенствования положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Последние изменения особо затронули ст. 15 данного Закона «Ответственность за распространение экстремистских материалов». В качестве императивного запрета закреплена норма, лишаящая человека права быть избранным в случае установления факта его причастности к деятельности террористической или экстремистской организации. Полностью поддерживая такой государственно-властный посыл, считаем, что применение ст. 15 рассматриваемого нормативного правового акта возможно только в случае привлечения такого лица к уголовной ответственности по ст. 205.5 или 282.2 УК РФ. Вместе с тем полагаем, что границы ее применения могут быть расширены и распространяться на всех лиц, уличенных и в иных видах экстремистской деятельности, в том числе группового формата (экстремистское сообщество, экстремистская организация). Учитывая рост экстремистских настроений и не забывая о главной сущности экстремизма как нелегитимного инструмента борьбы за власть, считаем, что ч. 2 ст. 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» должна полностью ограничивать возможность избираться и быть избранным для всех экстремистов и террористов. Предлагаем заменить словосочетание

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

«причастного к деятельности экстремистской или террористической организации» на «причастного к экстремистской или террористической деятельности». Такой подход будет являться оптимально симметричным по отношению к угрозам, исходящим от исследуемых явлений.

Отмеченные позиции требуют тезисной демонстрации развития уголовного законодательства за последние двадцать лет в секторе противодействия экстремизму.

Первый этап непосредственно связан с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Во-первых, он прекратил давно развивающуюся дискуссию о соотношении экстремизма и терроризма. Признание террористической деятельности наиболее радикальной формой экстремизма позволило не только правильно расставить приоритеты в области уголовно-правовой охраны общественной безопасности, конституционного строя и безопасности государства, но и по-новому пойти в борьбе с активно распространяющимися организованными формами экстремистско-террористической деятельности. В частности, в УК РФ были включены ст. 282.1, 282.2, установившие ответственность за организацию экстремистского сообщества и деятельность экстремистской организации. Во-вторых, новаторским в области уголовно-правового законодательства стало введение в официальный оборот дефиниции «преступления экстремистской направленности». Этот прием был интересен тем, что в рамках ст. 282.1 УК РФ представлялся исчерпывающий перечень такого рода деяний. В предлагаемую систему было включено всего восемь преступлений, рассредоточенных по всему УК РФ (ст. 148, 149, ч. 1, 2 ст. 213, ст. 214, 243, 244, 280, 282). При разделении позиции о необходимости определения закрытой системы экстремистских деяний среди практиков и ученых встал вопрос о критериях, позволивших законодателю выйти с таким юридико-техническим решением, что в целом могло бы продемонстрировать направление и тренд уголовной политики в области противодействия экстремизму. Однако ни в пояснительной записке к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О противодействии экстремистской деятельности“», ни в каких-либо иных источниках объяснения такой законодательной позиции дано не было. Например, очень сложно представить хулиганство как преступление экстремистской направленности, так как оно не является персонифицированным, что фактически требует экстремистская мотивация. Грубое нарушение общественного порядка совершается в целях противопоставления себя всем окружающим, а не конкретной личности, что подтверждается мнением пленума Верховного Суда РФ.

Проявление признаков экстремистской деятельности при совершении иных деяний, не входящих в перечень, закрепленный в диспозиции ст. 282.1 УК РФ, требовал какой-либо ответной реакции со стороны государства, так как имеющийся уголовно-правовой инструментарий не мог каким-либо образом адекватно реагировать на них. Вместе с тем предложенная выше позиция просуществовала пять лет.

Второй этап ознаменован принятием Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». В нем предложена концептуально иная позиция по определению преступлений экстремистской направленности. Законодатель отказался от закрепления их исчерпывающего перечня, предложив самостоятельную дефиницию в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, определив в качестве криминообразующего признака рассматрива-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

емой группы деяний мотив преступной деятельности. Такой прием позволил, с одной стороны, снять ранее отмеченную проблему, с другой – относить любое умышленное преступление к экстремистскому, при наличии соответствующего побуждения, что также порождает массу вопросов. Во-первых, может ли только один факультативный признак субъективной стороны выступать в качестве системообразующего при неоспоримости систематизации всего уголовного законодательства на основе значимости благ и ценностей, находящихся под его охраной? Во-вторых, буквальное толкование примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ исключает возможность должного реагирования на иные деяния с признаками экстремизма, отраженные в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», совершение которых не основано на мотивах политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды. До настоящего времени отмеченная проблема не решена, хотя в доктрине присутствуют предложения по ее решению [5, с. 115–123]. Государственные органы также озабочены этой проблемой, настаивая на необходимости более четкой классификации деяний экстремистского толка, фактически отталкиваясь от идеи определения их исчерпывающего перечня. Например, такой прием на протяжении уже многих лет используется и представлен в указании от 25 декабря 2020 г. Генеральной прокуратуры РФ № 738/11 и МВД России № 3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Их система изложена и в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Следующий этап можно представить на примере криминализации новых деяний, сосредоточенных на повышении уровня охраны конституционного строя и безопасности государства в подрыве экономических основ экстремистов (ст. 280.1, 282.3 УК РФ).

Самостоятельным и новаторским видится этап развития уголовно-правового противодействия экстремизму, построенный на институте административной преюдиции. В настоящее время в рамках гл. 29 УК РФ закреплено четыре такие уголовно-правовые нормы (ст. 280.1, 280.3, 282.2, 282.4). В целом не исключая дискуссионность использования этого приема в уголовном законодательстве по причине отсутствия закрепленных на нормативном уровне критериев, позволяющих повторное совершение административного правонарушения расценивать как преступное поведение, полагаем, что в рамках предупреждения экстремистской деятельности такой подход является не только приемлемым, но и перспективным.

Последний этап можно связать с проведением Россией специальной военной операции на Украине, фактически сосредоточенной на пресечении экстремистской деятельности националистического толка, что прослеживается в криминализации публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК РФ), и неоднократных пропаганде либо публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 УК РФ).

Выделение представленных этапов является сугубо авторской позицией. Понимаем, что их градация может быть и иной, дополненной другими юридически значимыми

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

элементами. Вместе с тем мы попытались более емко продемонстрировать эволюцию уголовной политики за последние двадцать лет во взятой для исследования области, что дает основание высказаться и о перспективах дальнейшего развития уголовного законодательства в борьбе с экстремистскими угрозами.

Возвращаясь к важной государственной позиции о соотношении терроризма и экстремизма как части и целого, считаем необходимым подчеркнуть, что уголовно-правовые механизмы противодействия им должны быть схожими. Понимая характер угроз и последствий, исходящих от террористической деятельности, государство выбрало тренд пресечения такого рода криминально-делинквентной деятельности на стадии приготовления, о чем свидетельствуют юридико-технические конструкции основной массы статей, устанавливающих ответственность за разные формы ее проявления. В частности, не вызывает сомнения обоснованность установления ответственности за оправдание или пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ) и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (205.3 УК РФ). Учитывая рост экстремистских настроений как в стране, так и за ее пределами, в том числе на приграничных территориях, полагаем, что схожие уголовно-правовые запреты (пропаганда экстремистской деятельности, прохождение обучения в целях осуществления экстремистской деятельности) должны найти свое самостоятельное закрепление и в гл. 29 УК РФ.

В заключение хотелось бы сделать несколько выводов.

Во-первых, разработка и принятие Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» – это важнейшее политико-стратегическое достижение государства в борьбе с экстремизмом и обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Во-вторых, в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» заложена мощная репродуктивная функция, способствующая оперативной выработке симметричных механизмов противодействия постоянно мутирующему (эволюционирующему) экстремизму.

В-третьих, происходящие в мире военно-политические конфликты, основанные на мотивах ненависти или вражды, позволяют выступить с научной гипотезой о том, что в ближайшем будущем будет наблюдаться рост экстремистской активности.

В-четвертых, экстремистская деятельность сегодня используется в качестве инструмента изменения миропорядка.

В-пятых, в России есть антиэкстремистский код – это многонациональность, многоконфессиональность, культура и традиции граждан, проживающих на ее территории.

Список источников

1. Писаренко О. Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.

2. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности : монография / отв. ред. С. В. Борисов. М. : Юриспруденция, 2015. 264 с.

3. Путин: экстремисты есть везде, но поддерживаются только на Украине // Вести. Ru. 2022. 16 мая. URL: <https://www.vesti.ru/article/2744519> (дата обращения: 10.08.2022).

4. Магнатов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ): теория, техника, практика : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. 384 с.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

5. Козаченко И. Я., Розенко С. В. О совершенствовании правовой регламентации преступлений экстремистской направленности // Правоведение. 2013. № 1(306). С. 115–123.

References

1. Pisarenko, O. N. 2010, 'Extremism as a social phenomenon', *Scientific problems of humanitarian research*, iss. 9, pp. 212–219.
2. Borisov, S. V. & Zherebchenko, A. V. 2015, *Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal responsibility: monograph*, S. V. Borisov (ed.), Jurisprudence, Moscow.
3. 'Putin: there are extremists everywhere, but they are supported only in Ukraine' 2022, *Vesti.Ru*, May 16, viewed 10 August 2022, <https://www.vesti.ru/article/2744519> .
4. Magnutov, Y. S. 2022, *Criminal law counteraction to special organized forms of extremist activity (Articles 282.1 and 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): theory, technique, practice: PhD thesis (Law)*, N. Novgorod.
5. Kozachenko, I. Ya., Rozenko, S. V. 2013, 'On improving the legal regulation of extremist crimes', *Jurisprudence*, iss. 1(306), pp. 115–123.

Информация об авторе

А. В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор филиала.

Information about the author

A. V. Petryanin – Doctor of Law, Professor, director of the branch.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.